

Как они жили: Бытовой уклад семьи Ребиндеров в 1910-1917 гг.

История Отечества, история народа – это не только история военных действий, биографии исторических личностей и хронологический перечень дат и событий. Это ещё и мозаика из разнообразных и малоизученных фактов, которые, быть может, имеют не меньшее значение, чем вышеперечисленные. Краеведческая составляющая родной стороны, бытописание, жизнь различных категорий населения также важны для изучения, ибо они дают возможность понять место человека в событиях эпохи, его переживания и надежды, проследить судьбу своих предков, земляков, шире – родной земли.

Мой доклад посвящен жизненному укладу семьи баронов (а перед Первой мировой войной – графов) Ребиндеров как ярких и типичных представителей дворянского сословия Белгородчины. Составлен он по воспоминаниям Бориса Александровича Ребиндера (род. 1909) и Александра Николаевича Ребиндера¹ (род. 1900), значительную часть времени (до эмиграции) проживших в Шебекино. И хотя большую часть воспоминаний, относящихся именно к бытовой стороне жизни дворян на Белгородчине, составляют воспоминания ребенка, которые дискретны и эмоциональны, это, в свою очередь, придает им особую правдивость и выразительность.

Семья Ребиндер во многом уникальна своим хозяйством высокого класса, а также тем, что практически все время проводила в российской глубинке – селе Шебекино.

Центральная площадь с. Шебекино. 1910-е гг.

В то же время, их быт и весь уклад жизни был типичен для нашего региона, это подтверждают многочисленные воспоминания о путешествиях семьи Ребиндеров к соседям и соседней в Шебекино и ни разу не выказанное при этом удивление различиями в бытовом укладе. Что интересно, юг Белго-

¹ ШИХМ КП 3125, ШИХМ КП 5267

родской и север Харьковской областей (в современных границах) в начале XX века был довольно редко заселен длительно проживающими помещиками (исключая крупные города). Так, Ребиндеры считали близкими соседями дворян, живших более чем на 60-километровом отдалении, причем в обе стороны от современной русско-украинской границы. Сами же они и их дети общались и с русским, и с украинским населением территории, не делая различий и даже отмечая особую певучесть и притягательность украинского языка. Друзей же и приятелей у семьи было значительно больше в более отдаленном Харькове, нежели в Белгороде.

Центр села Шебекино составляли три дома – по числу владельцев хозяйства. Два из них большую часть времени пустовали, жизнь бурлила лишь в доме управляющего именем Александра Александровича Ребиндера. Он проживал в Шебекино вместе с женой Екатериной Алексеевной (урожд. Тащицовой) и четырьмя детьми – Александром, Борисом, Марией и Михаилом.

Дом А.А. Ребиндера в Шебекино. 1910-е гг.

Дом А. Ребиндера был построен шебекинским архитектором Н. Михайловым и представляет собой (памятник сохранился) яркое смешение стилей модерна и барокко. Спроектирован он был очень удобно, выходя верандой на реку с видом на закат. Все его устройство, по воспоминаниям Бориса Ребиндера, было крайне экономичным и комфортным, однако интересен даже не сам дом, а его окружение, составленное самими Ребиндерами. Так, между тремя домами семьи был яблоневый сад, в основном антоновки, вкус которой не могли забыть Ребиндеры и в эмиграции. Вода от электростанции, расположенной на другом берегу реки Нежеголь, поступала в ручей, который питал сад. Борис Ребиндер вспоминает частые жаркие и засушливые летние сезоны, когда такое снабжение водой было просто необходимо. В самом укромном месте сада располагался маленький сосновый бор. Это была самая его теплая часть, называемая по-семейному «Италией». Красивейшим местом в саду был молодой ельничек, где ели росли так густо, что там можно было спрятаться. В середине бора было оставлено прямоугольное простран-

ство, огороженное дощатыми стенами, чтобы принимать солнечные ванны. Под ногами был уложен морской песок, выписанный отцом семейства из Крыма для имитации пляжа. Там же был установлен душ.

Окна детской столовой выходили на незастекленную веранду. Там постоянно – за этим следила Екатерина Алексеевна – были высажены декоративные растения и находились клетки с птицами. Что интересно, вместе с певчими пернатыми содержались и молодые петушки.

Все улицы села Шебекино Ребиндеры постарались качественно обустроить, особое внимание уделяя брусчатому покрытию. Это было особенно важно в условиях активного хозяйствования. Но вокруг имения дороги были грунтовые и, по воспоминаниям Б. Ребиндера, особенно трудно было проехать по немощенным дорогам весной, когда земля становилась скользкой и колеса повозок оставляли глубокие колеи. Управляющему имением приходилось убеждать крестьян проезжать по самому трудному месту, чтобы часть дороги сохранить ровной для автомобилей. Летом машины поднимали ужасную пыль, и во время прогулок всей семье приходилось надевать поверх одежды льняные пальто, а женщины еще и завязывали тюлевыми шарфами свои шляпы.

Машина А.А. Ребиндера. Шебекино, 1910-е гг.

Ребиндеры редко принимали гостей и так же редко выезжали в гости сами. Детям запрещено было знакомиться с крестьянскими детьми, общаться можно было лишь с семьями служащих шебекинских предприятий да изредка – всего несколько раз в год – с приезжающими или принимающими у себя в гостях другими дворянами. В пять лет неизгладимое впечатление на Бориса произвела «барышня Ася», причем исключительно тем, что бегала быстро, как крестьянские дети... Но знакомства с другими представителями дворянства оставались на всю жизнь – позже, в эмиграции, семья с радостью встречала бывших соседей или даже далеких родственников соседей, знакомых просто по переписке.

Отца дети практически не видели – он занимался делами хозяйства, ин-

спектируя отдаленные экономии или «заседаю в конторе». Даже тогда, когда он был дома и находился в своем кабинете, его запрещено было беспокоить даже старшему сыну. Мать была постоянно занята по хозяйству, следя за всем, что делается в доме, пристройках для слуг и на кухне. Семья Ребиндеров нанимала слуг из жителей своего же села. Все – от лакеев до кучеров – были шебекинцами или жителями близлежащих сел. Брали лишь проверенных людей, о которых затем всячески заботились, чужих же крестьян старшие представители семьи недолюбливали. Александр Ребиндер пребывал в постоянном и необъяснимом страхе за своих детей, боясь похищения и последующего требования выкупа, поэтому на прогулках их сопровождал полицейский.

Из иностранцев или просто иногородних слуг семья нанимала лишь гувернанток. Кроме них у детей была кормилица – до 3-4 лет, а также няня – вплоть до совершеннолетия. Двумя последними Ребиндеры дорожили не в пример больше. Так, некая мисс Ривс, затребовавшая увеличения жалования, немедленно получила расчет, а, выписав из столицы русскую няню Ольгу, Ребиндеры сделали все, чтобы она прижилась и вышла замуж за шебекинца, оставшись таким образом в семье. Что интересно, именно эта девушка сопровождала осиротевшую после расстрела семью во всех их мытарствах вплоть до эмиграции. Борис Ребиндер впоследствии признавался, что если он и «обладает какими-либо достоинствами, то они перешли от русской Ольги». Иностранцы соответствовали разным периодам жизни ребенка, и поэтому, когда Ребиндеры впоследствии хотели установить, когда произошло то или иное событие, то пытались вспомнить англичанку или француженку, которая находилась в доме в тот момент. Русское же окружение оставалось постоянным и менялось редко, оказывая большое влияние и на самих хозяев.

Е.А. Ребиндер (урожд. Татищева) с детьми Александром и Марией. 1900-е гг.

Достаточно непривычным сегодня нам покажутся особенности воспитания детей. Они жили обособленным, строго устроенным мирком, в котором заправляла, но опосредованно, через няню, мать. У каждого из младших Ребиндеров была своя спальня, часто детям было одиноко и страшно по ночам, поэтому им иногда позволялось ночевать в материнской, которая так же была отделена от отцовской. Но общение с матерью было не частым. Показательно,

как удивились трое ни о чем не догадывавшихся старших детей, когда им объявили, что у них родился брат, и привели в спальню к Екатерине Алексеевне.

Лишь после пяти лет детей допускали за общий стол. Воспоминания о том, как вся семья собиралась в столовой, – наиболее живые и яркие у Бориса Ребиндера. Так, он запомнил достаточно простую по сравнению со столичной пищу, довольно недорогие столовые приборы (особо ценные выставляли лишь к приезду гостей или родственников). Такая привычка – беречь кухонную утварь – привела к тому, что некий недобросовестный лакей тайком уносил значительную часть столового серебра и припрятывал его под усадебным дубом. Тайник обнаружили, когда на том месте решили начать стройку.

Значительным исключением в простоте сельской кухни было употребление спаржи. Ее местные крестьяне соглашались выращивать, чистить и готовить, но только не видеть процесс ее поглощения. Как отмечал Борис Ребиндер, «к счастью, у нас были братья кучера Афанасия, которым не составляло никакого труда подавать саржу на стол. Наверное, они были более восприимчивы к европейской цивилизации, чем большинство крестьян Шебекино».

Спиртное подавалось к столу редко. Но все – и взрослые, и дети – очень любили десерт «Груши в красном вине». Белого вина не подавали вообще. Дети всю еду запивали молоком, взрослые – квасом. Лишь Николай Татищев (брат Е.А. Ребиндер) имел право на бутылку хорошего красного вина. В погребе было большое их количество, которое, не употреблявшись, имело значительную выдержку. Впоследствии, в 1917-м году, все вино по приказу Александра Ребиндера бросили в колодец. Сам владелец имения сопровождал это словами: «Из всего, что я не смогу оставить своим детям, вино – единственное, о чем я не жалею»...

Так же редко детям доставались сладости. Это не значит, что их не было – в слободе имелись две крупные по тем временам торговые лавки, и предметом редко покупаемого вожделения младших Ребиндеров были продававшиеся в них пряники. А вот из часто перепавших сластей Борис Ребиндер помнит... сушеные яблоки! В хозяйстве была установлена ротационная сушилка для фруктов, которые очищали от кожуры местные женщины. Дети сами, открывая печь, вращали барабан и находили противень с яблоками или грушами. Особенно нравились Борису Ребиндеру сушеные сморщенные яблоки с отверстием посередине – без сердцевины...

Возможность узнать, как принимали гостей в семьях Ребиндеров, предоставляют воспоминания Александра Николаевича Ребиндера, который стал главой семейства после расстрела своего отца и дядей: «Встретив всех на парадном и указав каждому свою комнату, я, когда первая суматоха улеглась, пошел к себе наверх в кабинет, где сидели дядя Мизи, Ника и только что приехавший в отпуск Алекс. В 7 часов раздался звонок к ужину и я пошел, в сопровождении дядя Мизи, который мне помогал в моих нелегких обязанностях хозяина дома, в холл встретить гостей. Когда все собрались, мы пошли в столовую, где стол был раздвинут от одной стены к другой. Ужин был парадный, помню, что на первое подали блинчатый пирог с отменной начинкой, затем было вино, преимущественно красное. Сидело нас за столом чело-

век 18 и подавали в две смены. Я был на председательском месте, как это вошло у нас уже в обычай после смерти Папа, направо от меня сидел генерал, а налево – полковник, все были распределены строго по чинам. Наконец, к великому моему облегчению, ужин закончился, и мы все вышли в холл, тут некоторые гости разбрелись вокруг бильярда, где Дядя Мизи с кем-то играл, другие расположились в библиотеке, рассматривая гравюры и книги, а я повел генерала и полковника показывать дом. Мы обошли все комнаты, и я их пустил даже в церковь, но предварительно пришлось объяснить, что с сигарой туда войти нельзя. Церковь им очень понравилась, особенно некоторые старинные иконы» (1918 г., в гостях были немецкие офицеры).

Все время проводя в своем имении, не выезжая в столицу, а лишь в Кисловодск вместе с детьми, Ребиндеры практически не отмечали праздников. Эпохальными событиями сельской жизни становился приезд родственников – дяди Николая и тети Мары, дедушки Александра, а также редкие болезни. Так, в грудном возрасте у Бориса заболели глаза и его решили показать специалисту в Белгороде. Чтобы отвезти туда младенца, потребовалось 14 лошадей. Две лошади везли ландо с младенцем и матерью, четыре – коляску с няней и кормилицей и еще одна – телегу с багажом. Через каждые 12 км лошадей меняли.

Рубежным событием семьи было Рождество, по воспоминаниям Бориса Ребиндера, – тихий и скромный, во многом лирический праздник. Гостей в это время года практически не было, не было и особого распорядка дня, зато были подарки. Например, в Рождество 1911 года – одно из самых мирных и спокойных в семье – были подарены слон на колесиках германского пр-ва, тележка с двумя куклами, мужчиной и женщиной, коробка с головоломкой, где были изображены два кролика, грызущие морковку.

Своеобразным окном в прошлое, в другое эпохальное событие сельского года – охотничьи забавы южнорусских дворян, становятся воспоминания Александра Николаевича Ребиндера. Сам не раз отмечая, что все проходило, как при Папа, он описывает это так: «Это было глубокой осенью 1918 года. Я решил устроить большую облаву, ... недели за три еще до срока я послал собачья Ивана Колесникова на разведку, чтобы он разнюхал, где имеются волки, в каком количестве, и уладил бы дело с загонщиками. Около середины октября мне донесли, что в Муромских лесах имеется около 8-9 выводков волков и что они почти ежедневно режут скотину, и селяне с удовольствием дадут загонщиков... Выезд был назначен в 5 ч утра, так как путь был далек – 18 верст и то с порядочным гаком. На следующий день мы все выехали, как было условлено, и разместились в 9-ти экипажах... Было еще совсем темно, когда мы тронулись, и светать начало, только когда мы подъезжали к Мурому. Итак, одев сверх своей охотничьей куртки, на которую я как всегда с помощью Прокофия нацепил патронташ, свиту и захватив на всякий случай свой полушубок, я уселся в бричку, удостоверился, на месте ли ружье, и крикнул, когда увидел, что все готовы: «С Богом!» Часам к 9 с половиной утра спустились в лошину к сторожке лесника на сборное место. Муромские леса... находятся в 6 верстах от села Муром в очень дикой местности, изрезанной большим коли-

чеством оврагов с глухими чащами, иногда очень трудно проходимыми. Это излюбленное место волков, и там, да еще в Репном, издавна охотился Папа, таким образом места сии были как бы традиционные. Вылезши из экипажа, мы стали расправлять окоченевшие от долгого сидения ноги и греться в хате. Дядя Мизи сейчас же вытащил флягу с коньяком и стал ею угощать... Начало облавы было назначено к 10 часам, ждали только волков. Я между тем совещался с Иваном, как лучше всего поставить генерала, чтобы на него вышел волк, а то бы еще обиделся, пожалуй. Иван посоветовал поставить генерала на 17 номер, как наиболее лучший. Между тем собрались уже загонщики, человек около ста – все ребятишки из окрестных сел, но были также и мужики... Потом дядя Мизи приступил к раздаче номеров. Дистанция между номерами 20 шагов. В первом загоне стрелять только по волкам, во втором можно и по лисицам, а в третьем по всему что угодно, и прекращать стрельбу по сигналу рожка. Загонов предполагалось три – два до обеда и один после. ...

Около 4 часов я дал отбой и мы все потянулись к сторожке. Тут нас ожидал довольно неприятный сюрприз: оказывается, вартовые раздобыли остатки водки, напились сами, но это еще ничего, а главное – перепоили всех наших кучеров. С большим трудом мы кое-как привели их в христианский вид и велели запрягать. Итак, охота кончилась и весьма удачно: всего было убито 6 волков, 5 лисиц и 21 заяц»...

Корнет А.Н. Ребиндер (слева). Волчанск, 1919 г.

Без сомнения, воспоминания людей, живших или живущих ныне, – тех, кого принято считать обывателями – не имеют доказательной силы официальных событий и исторических фактов, они субъективны и малодинамичны и, возможно, представляют интерес лишь для узкого круга краеведов. Но ушедшая жизнь давно исчезнувших людей, не последних в своем социальном слое, через взор очевидцев позволяет с изумительной точностью увидеть, расцветить прошлое. Именно эти крупинки памяти о прошедших годах, сохраненные и представленные нами, способны вдохнуть жизнь в сухую летопись истории Отечества.

2012 год